

Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г.

(Эпизод из истории русской общественной мысли)

"ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА", 1 МАЯ

Писатель письма от 26 марта 1769 года, подписанного *ваш покорнейший и усердный слуга А.*, узнал, что его письмо не будет напечатано. Мы советуем ему оное беречь до тех пор, пока не будет сделан лексикон всех слабостей человеческих и всех недостатков разных во свете государств. Тогда сие письмо может служить реестром ко вспоможению памяти сочинителю; а до тех пор просим господина А. сколько возможно упражняться во чтении книг таких, посредством которых мог бы он человеколюбие и кротость присовокупить ко прочим своим знаниям; ибо нам кажется, что любовь его ко ближнему более простирается на исправление, нежели на снисхождение и человеколюбие; а кто только видит пороки, не имев любви, тот неспособен подавать наставления другому. Мы и о том умолчать не можем, что большая часть материй, в его длинном письме включенных, не есть нашего департамента. Итак, просим господина А. впредь подобными присылками не трудиться; наш полет по земле, а не на воздухе, еще же менее до небеси: сверх того, мы не любим меланхолических писем.

53

Государь мой!

Я весьма веселого нрава и много смеюсь; признаться должно, что часто смеюсь и пустому: насмешником же никогда не бывал. Я почитаю, что насмешки суть степень дурносердечия; я, напротив того, думаю, что имею сердце доброе и люблю род человеческий. Итак, не извольте ошибиться в моем нраве, когда говорю, что я смешлив; но выслушайте, чему я намнясь смеялся так, что и теперь еще бока болят. Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит; люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, но из его речей легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут. Но ворчаливое самолюбие сего человека изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что он стыдился выговорить свои собственные огорчения: и так клал все насчет превратного будто света, которого, он сказывал, что ненавидит: да сие и приметить можно было из его речей. Один тут случившийся молодец удалый, долго слушая терпеливо и молча поношения смертных, наконец потерял терпение и сказал ему: государь мой, вы весьма ненавидите ближнего своего; тиран Калигула во своем сумасбродстве говаривал, что ему жаль, что весь род человеческий не имеет одной головы, дабы ее отрубить разом: не того ли и вы мнения? Наш рассказ сим вопросом был приведен во превеликий стыд и, чувствуя, что он страстями своими был проведен к показанию толикой ненависти к людям, что подал причину вспомнить Калигулу, вскочил со стула, покраснел, потом пальцы грыз, бегая по комнате, напоследок выбежал и уехал, знатно от угрызения совести. А мы во весь вечер смеялись людской слабости. Но после размышляя о сем происшествии с большим примечанием, расстались, обещав друг другу: 1) никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным себя нахожу вас просить дать ему место во "Всякой всячине". Я же есмь

ваш покорный слуга

Афиноген Перочинов.

P. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может